

Собрался он лететь куда-то вдаль.
О том, какая горькая печаль
Мной овладела, говорить не стану, -
Сердечную ведь не опишешь рану.
Скажу одно: тогда я поняла,
Что значит смерть – так несказанно зла
И нетерпима мнилась мне разлука.
Прощаясь с ним, я думала, что мука
Его терзает также, – так уныл
И взор, слезою замутненный, был,
И звук любого сказанного слова.
Я ничего не чуяла дурного.
Себе я говорила, что домой
Вернется скоро ненаглядный мой,
Чтобы зажечь опять со мною вместе,
И что отлет его есть дело чести.
Так, сделав добродетель из нужды,
Я не роптала против злой беды.
Скрыть от него тоску стараясь, я
Ему сказала: «Видишь, я твоя,
Тому свидетель Иоанн святой.
Будь верен мне и ты, желанный мой!»
Что он ответил, повторять не буду:
Шептал он сладко, поступил же худо.
Он обласкал меня и прочь пошел.
Да, с длинной ложкою садись за стол,
Коль хочешь супа с сатаной хлебнуть.²³⁵
Итак, в далекий он пустился путь
И там, на новом месте, очень скоро
Почувствовал, что к вору тянет вора,
Что каждый быть среди подобных рад
(Ведь так как будто люди говорят).
Разнообразие люди любят тоже,
Они весьма, весьма на птиц похожи,
Которых в клетках держат у себя,
Пекись о птице день и ночь, любя,
Ей устилай хотя бы шелком клетку,
Давай ей мед и сахар на заедку,
Но лишь открылась дверца – и тотчас,
Ногами чашку сбросивши, от вас
Она умчится в лес искать червей.
Нужна, как воздух, перемена ей.
Птиц даже самой благородной крови
Манит и радует лишь то, что внове.
Мой сокол точно так же поступил;
Хоть он высок был родом, юн и мил
И обольстителен чертою каждой,
Но самку коршуна ему однажды
Случилось встретить на своем пути,
И голову он потерял почти, -
Влюбился так, что все забыл на свете
И крест поставил на своем обете.

---

²³⁵ Поговорка эта дважды встречается у Шекспира: в «Комедии ошибок», IV, 3, 64, и в «Буре», II, 102.